В нашем городе множество охотников с гончими. С первого же дня разрешения охоты на зайцев поднимается великий гон, и через месяц, когда только и начинается интересное время охоты по чернотропу в золотых лесах, у нас верст на десять вокруг города нет ничего. При первой пороше, однако, вдруг появляются всюду следы, и кажется, вместе со снегом выпадают и белые зайцы. Откуда они берутся, я вам скажу.

У наших охотников разве только у десятого есть опытная, увязчивая собака, а девять только учат своих молодых собак или бьются всю жизнь с глупыми. Пока собаки учатся, зайцы тоже не дремлют и проходят высшую школу обмана.

Никогда не забуду одного случая, который остается в моей памяти как пример крайней наивности первых молоденьких зайцев, бегущих правильным кругом на лежку. Однажды приехал гость из Москвы и просил меня показать ему, как надо подстаивать беляков. Мы пошли в лес, подняли зайца. Я указал гостю на след и велел ему дожидаться. Гость мой вычертил на указанном месте крестик, отошел шагов на тридцать, положил ружье на сучок, навел на крестик и стал дожидаться. Подсмеиваясь, отошел я, уверенный, что гостю зайца никак не убить. И вдруг через несколько минут раздается выстрел и ликующий крик. Заяц был убит как раз на крестике. Так бывают глупы эти первые молоденькие зайцы. Но мало-помалу зайцы учатся таким фокусам, что оставляют и собаку и охотника в дураках постоянно. Вот этим, по-моему, охота на беляков так особенно интересна: каждый беляк вырабатывает свой собственный план бега, и разгадать его не всегда бывает легко. Само собой, зайцы выучиваются и хорониться после своей ночной кормежки, и поэтому в конце осени кажется, что все зайцы пропали, а при первой пороше будто с неба свалились.

Вот когда покажутся эти следы по первой пороше, высыпают на них из города все охотники, стар и мал. Это бывает зайцам самый страшный экзамен, после которого в лесах остаются только «профессора». Так у нас их постоянно и называют охотники: зайцы-профессора.

Я давно имею пристрастие к ученым зайцам, для меня только и начинается охота с гончей, когда все охотники отказываются и остаются только «профессора» в лесу. Весь день с темна до темна я имею терпение перебегать, равняясь с гончей, или подстаивать в частом болотном ельнике зайца-профессора. Невозможно всего рассказать, что случилось со мной в лесу лет за пятнадцать этой охоты, – один случай вызывает в памяти тысячу других и тонет в них безвозвратно. Но один

трудный год, когда «профессора» собрались в незамерзающее болото, не сливается с другими, и я о нем расскажу.

Научились в тот год «профессора» с подъему жарить по прямой линии версты за три и кружить в одном болоте, покрытом густейшим ельником. Собака едва лезет в густели, а он – ковыль-ковыль, тихонечко переходит с кочки на кочку, посидит, послушает, скинется, ляжет. Пока собака доберет, пока разберет, он отлично себе отдохнет, прыгает и опять ковыль-ковыль по болоту. Моего терпения, однако, и на это хватает, бью постоянно и в самых крепких местах. Но в этом болоте невозможно было долго стоять, потому что, когда в первые морозы оно покрылось слоем льда, вода подо льдом понизилась, и так образовался лед-тощак: заяц, собака бегут – не проваливаются, а охотник ломает лед и в воду. Так осталось и до больших морозов, когда болото было уже засыпано снегом. Лед-тощак – это страшная вещь: и гремит ужасно, и долго ли можно простоять в кожаных сапогах в ледяной воде?

Сколько раз я ни пробовал, все «профессора» летели в это болото, и я уже хотел было сдаваться. Однажды пришел ко мне Васька Томилин и стал умолять меня сходить с ним на охоту. С этим Васькой мы давно связаны, когда у него был Карай, а мою собаку Анчара застрелили на охоте. В то время Васька меня выручил, и мы охотились зиму с Караем. Потом Карай умер, и Васька пристал к моему Соловью. Теперь из уваженья к памяти Карая я не мог отказать Ваське, и мы пошли на «профессоров»: я в сапогах на суконный чулок, Васька в своих обыкновенных валенках. К слову сказать, знамениты эти Васькины валенки: он в них зимою и летом, даже рыбу ловит в них, чтобы не резалась нога в реке о гальку. Одна подошва снашивается, он пришивает другую, и так без конца: самая дешевая обувь.

Вышли мы за «профессорами», взяли след, пустили Соловья, подняли вмиг и прогнали в болото.

Что делать? Хожу я по краю болота час, другой, третий. Мороз порядочный, нога и на суходоле начала мерзнуть, а не то что лезть в воду. Горе было еще и в том, что Соловья нельзя отозвать, пока не убьешь зайца; уйти же и бросить собаку не могу: волки могут сцапать за мое почтение.

Наконец я до того уже смерз, что стал сухие сучки ломать и разводить костер, о зайце и не думаю, какой тут заяц!

И вдруг в самой середке болота, в самой густели и топике раздается выстрел и крик:

– Гоп, гоп!

«Гоп-гоп» – у нас значит: заяц убит.

Соловей скоро добрал и смолк. Заяц убит несомненно. Только я ничего не понимаю, и невозможно понять: ведь лед-тощак гремит, значит, чтобы подстоять зайца, надо не двигаться, а Васька в валенках. Спрашивается, как же это он мог столько времени простоять в валенках в ледяной воде?

Далеко слышу – трещит, гремит, лезет из густели на мой крик. Глянул я на него, когда вылез, и обмер – это не ноги были, а толстые ледяные столбы.

– Ну, снимай, – говорю, – скорей снимай, грей ноги на костре.

– Я, – говорит, – не озяб, у меня ноги сухие.

Вынул ногу из ледяного столба, – сухая нога. Запустил я в валенок руку: тепло.

Тут я все понял: подмоченные валенки на сильном морозе сверху сразу покрываются ледяной коркой; эта корка в ледяной воде не тает и воду не пропускает.

Я дивлюсь, а Васька мне говорит:

– Я так постоянно.

И стал я с этого разу валенки подмораживать: вечером окуну, и на мороз, еще окуну и оставлю в сенях на всю ночь, а утром в них смело иду в болото. Васька-то оказался над всеми учеными зайцами самым главным профессором.